

BabaJagaiZhikhar

Жил кот, воробей да жихарько третей. Кот да воробей пошли дрова рубить и говорят жихарьку: «Домовничай да смотри: ежели придет яга-баба да станет считать ложки, ты ничего не говори, молчи!» — «Ладно», — ответил жихарь. Кот да воробей ушли, а жихарь сел на печь за трубу. Вдруг является яга-баба, берет ложки и считает: «Это — котова ложка, это — воробьева ложка, третья — жихарькова». Жихарь не мог стерпеть, закричал: «Не тронь, яга-баба, мою ложку». Яга-баба схватила жихаря, села в ступу, поехала; едет в ступе, пестом понужат², а помелом следы заметат. Жихарь заревел: «Кот, беги! Воробей, лети!» Те услышали, прибежали. Кот начал царапать ягу-бабу, а воробей клевать; отняли жихаря.

На другой день стали опять собираться в лес дрова рубить, заказывают жихарю: «Смотри, ежели будет яга-баба, ничего не говори; мы теперь далеко уйдем». Жихарь только сел за трубу на печь, яга-баба опять явилась, начала считать ложки: «Это — котова ложка, это — воробьева ложка, это — жихарькова». Жихарько не мог утерпеть, заревел: «Не тронь, яга-баба, мою ложку». Яга-баба схватила жихаря, потащила, а жихарь ревет: «Кот, беги! Воробей, лети!» Те услышали, прибежали; кот царапать, воробей клевать ягу-бабу! Отняли жихаря, ушли домой.

На третий день собрались в лес дрова рубить, говорят жихарю: «Смотри, ежели придет яга-баба — молчи; мы теперь далеко уйдем». Кот да воробей ушли, а жихарь третей уселся за трубу на печь; вдруг опять яга-баба берет ложки и считает: «Это — котова ложка, это — воробьева ложка, третья — жихарькова». Жихарь молчит. Яга-баба вдругорядь считает: «Это — котова ложка, это — воробьева, это — жихарькова». Жихарь молчит. Яга-баба в третий раз считает: «Это — котова ложка, это — воробьева ложка, третья — жихарькова». Жихарько не мог стерпеть, забазлал³: «Не тронь, курва, мою ложку». Яга-баба схватила жихаря, потащила. Жихарь кричит: «Кот, беги! Воробей, лети!» Братья его не слышат.

Притащила яга-баба жихаря домой, посадила в голбец⁴, сама затопила печку, говорит большой дочери: «Девка! Я пойду в Русь; ты изжарь к обеду мне жихарька». — «Ладно!» — та говорит. Печка истопилась, девка велит выходить жихарю. Жихарь вышел. «Ложись на ладку⁵!» — говорит опять девка. Жихарь лег, уставил одну ногу в потолок, другу в наволоку⁶. Девка говорит: «Не так, не так!» Жихарь бает: «А как? Ну-ка поучи». Девка легла в ладку. Жихарь не оробел, схватил ухват, да и пихнул в печь ладку с ягишницей дочерью, сам

ушел опять в голбец, сидит — дожидается ягой-бабы. Вдруг яга-баба прибежала и говорит: «Покататься было, повалиться

было на жихарьковых косточках!» А жихарь ей в ответ: «Покатайся, поваляйся на дочерниных косточках!»

Яга-баба спохватилась, посмотрела: дочь ее изжарена, и заревела: «А, ты, мошенник, стой! Не увернешься!» Приказывают средней дочери изжарить жихарьку, сама уехала. Середня дочь истопила печку, велит выходить жихарьку. Жихарь вышел, лег в ладку, одну ногу уставил в потолок, другу в наволоку. Девка говорит: «Не так, не так!» — «А поучи: как?» Девка легла в ладку. Жихарь взял да и пихнул ее в печь, сам ушел в голбец, сидит там. Вдруг яга-баба: «Покататься было, повалиться было на жихарьковых косточках!» Он в ответ: «Поваляйся, покатайся на дочерниных косточках!» Ягишна взбесилась: «Э, стой, — говорит, — не увернешься!» Приказывает молодой дочери изжарить его. Не тут-то было, жихарь и эту изжарил!.

Яга-баба пуще рассердилась: «Погоди, — говорит, — у меня не увернешься!» Истопила печь, кричит: «Выходи, жихарько! Ложись вот на ладку». Жихарь лег, уставил одну ногу в потолок, другу в наволоку, не уходит в чело⁷. Яга-баба говорит: «Не так, не так!» А жихарь будто не знает. «Я, — говорит, — не знаю, поучи сама!» Яга-баба тотчас поджалась и легла в ладку. Жихарь не оробел, взял да ее и пихнул в печь; сам ступай домой, прибежал, сказывать братьям: «Вот чего я сделал с ягой-бабой!»